

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ

Марк Равенхилл, надежда британской драматургии, привез новую пьесу на Боннскую биеннале

Независимая газета - 2000 - 28 июня - с. 7

Григорий Заславский

ТЕАТР в Европе — не то же, что у нас, в России. Это очевидно даже по тому, что здесь отчего-то принято начинать спектакли не в семь, а в восемь, а на фестивалях — и в половине десятого вечера, так что кончается представление за полночь. Вечером и ночью в Бонне смотрят спектакли, днем — дискутируют. Одна из дискуссий была посвящена славе, которая, случается, сваливается на не подготовленные к столь тяжелой ноше плечи молодых драматургов. И тому, разумеется, как с ней бороться.

«Для европейцев такие дискуссии — все равно что для советских людей были партсобрания. Они тут реализуют всю свою неизрасходованную общественную активность», — заметил один из российских гостей. Сказано это было без осуждения, и потому, хочется верить, принимающую сторону это замечание не обидит.

Нельзя сказать, чтобы проблема, предложенная к обсуждению, имела совершенно отвлеченный характер. С одной стороны, конечно, смешно даже вообразить, что какой-нибудь автор, наслушавшись умных советов, примется готовиться к встрече со славой. С другой стороны, не раз мне приходилось выслушивать упреки, что мы, мол, в жюри Антибукера не подумали в свое время о том, как сложится дальнейшая судьба, скажем, Ивана Савельева или Олега Богаева. Дали премию, а там — хоть трава не расти. И в некоторых случаях «трава» действительно что-то не очень растет. Я полагаю, такие упреки совершенно несправедливыми. Жюри оценивает текст и старается наградить лучший. Если после «Путешествия на краю» Иван Савельев не написал ничего лучшего, вряд ли виной тому Антибукер. Не написал — напишет, Бог даст. Не напишет — очень жаль. Премия в конце концов — род испытаний, которые все равно неминуемы на пути любого писателя, неважно — драматурга или поэта.

На фестивале в Бонне наибольший опыт по части «общения» со славой, вне всякого сомнения, у Марка Равенхилла. Вот кто на себе смог почувствовать, что такое настоящий промоушн! Его «Шопинг & Факинг», как бы к этой пьесе ни относиться, можно

смело назвать театральным бестселлером. Начав в лондонском «Ройял Корте», который гордится тем, что стал первооткрывателем и этого драматурга, пьеса ныне шагает по планете. Лучшие режиссеры Европы ставят ее в лучших театрах (из «последних новостей»: в Литве пьесу Равенхилла поставил Оскар Коршуновас, и спектакль называют чуть ли не главным событием прошедшего сезона).

Приезд Равенхилла — одно из событий, которым, вероятно, гордятся организаторы биеннале. К тому же в Бонн бритоголовый Равенхилл приехал не с пустыми руками. Два вечера подряд лондонский театр «Аут оф Джойнт» играл здесь его новую пьесу — «Четкие снимки «полароид» (Some explicit polaroids).

Равенхилл остается верным темам и приемам, однажды принесшим ему успех. Глядя на Равенхилла, почему-то меньше всего веришь в то, что он это делает из чисто коммерческого расчета. Нет, кажется. Он искренне увлечен судьбами своих «отщепенцев», жизнь этих героев известна ему, кажется, не понаслышке, и волнует она его постольку, поскольку их театральные драмы и трагедии врываются в его самую что ни на есть реальную жизнь. В конце концов ничего не поделаешь с тем, что «новые песни придумала жизнь».

Как бы нам того ни хотелось, как бы ни уговаривали нас поэты — приходится о песне тужить.

Английский спектакль довольно-таки ловко управляется с отсутствием декораций. Когда необходим интерьер, врывается видеопроектор и на черной стене задника начинают мельтешить стены, фасады, пока наконец не установится картинка с мебелью, дверью и всем прочим, необходимым. Точно так же в иных случаях появляются картины спешащего города и т.д.

Герои, естественно, редко когда говорят сложными и «литературно-очищенными» фразами. Едва выйдя на сцену, пятидесятилетний Ник тут же роняет свое первое «о, факинг». На третьей минуте он скидывает кроссовки, стягивает штаны и остается в одних трусах. До секса, правда, не доходит.

Ник был приговорен к 15 годам тюрьмы по политическим мотивам — за (так сказано в синапсисе) «покушение на капиталистическую жизнь». Его сенсации, касающиеся социализма, и его социалистические завихрения — предмет для шуток ок-

ружающих. А с окружающими ему, не шутя, повезло. Его бывшая подруга и «товарищ» (в смысле партийности) ныне прикнула к официальным социал-демократам и все время спешит на какие-то встречи, не считаясь даже с тем, что Ник уже разделся. Чик влюбляется в юную Наю, но у той — свои сложные отношения с Тимом, большим СПИДом, и русским парнем Виктором, который постоянно возбуждает любовь к своему собственному телу. И ко всякому встречному и поперечному пристаёт с расспросами: нравится ли им его «сумасшедшее» тело или же они в восторге от него? (Положительный ответ «на ходу» его не устраивает, он не верит Нику: «Нет, я вижу, тебе не нравится мое тело...»)

Надо отдать должное англичанам: русский у них — не синоним отрицательного героя. Виктор по-своему симпатичен, хотя, конечно, вырос не в самой благополучной семье, где было принято фотографировать друг друга в голлом виде на «полароид». И одет он «по-нашему» — в ярко-зеленую спортивную куртку и лыжные штаны.

В общем, история самая что ни на есть современная, с непрерывным кликушеством, вложенным, правда, в не слишком серьезные уста, — как-то, как говорится, к слову, кто-то говорит про последние времена, которые уже наступили, вызывая в памяти похожую реплику из «Грозы».

Но у Равенхилла с последними временами все, кажется, в порядке. Тим умирает от СПИДа. Но даже и после смерти он не бросает друзей, являясь, весь в белом, за спиной Виктора, когда Наю фотографирует его и полароидная пластинка фиксирует все как есть. Виктор кричит: «Я хочу забыть тебя», но Тим даже и после смерти, кажется, не собирается ни забывать своих друзей, ни расставаться с ними.

Политические разговоры — веселый фон невеселой пьесы. Предметом иронических улолов и насмешек, естественно, становится Ник. Когда он является пьяным и в каком-то жутком равнень, Виктор укоряет его: социалисты, мол, пьют в моей стране. В другой раз кто-то философски заметит ему же: капитализм, может быть, и будет когда-нибудь, лет через тыщу, плохим, а сейчас — это очень даже хорошо.

Можно спорить с Равенхиллом в чем-то другом, но тут, вероятно, он недалек от истины.

Бонн